

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 3. С. 73–88.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 3. P. 73–88.

ПОЛИТИКА

Научная статья

УДК 327(470+510:4/5)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/73-88>

МЕНЯЮЩИЙСЯ БАЛАНС СИЛ В ЕВРАЗИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Андрей Игоревич Козинец¹, Марина Олеговна Дмитриева²

^{1,2}Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

¹kozinetc.ai@dvfu.ru

²dmitrieva.mo@dvfu.ru

Аннотация. В статье анализируются ключевые аспекты сотрудничества Российской Федерации и Китайской Народной Республики в Евразии в контексте меняющегося баланса сил в регионе. Большая Евразия рассматривается как новая концепция взаимодействия государств континента, подчёркивающая равноправное сотрудничество и инклюзивность. Центральная Азия (ЦА) является геополитическим ядром Евразии, трансграничным регионом, способным в перспективе обеспечить связанность всего континентального пространства. При этом главным международным институтом как Центральной Азии в частности, так и Евразии в целом сегодня является Шанхайская Организация Сотрудничества (ШОС). В качестве теоретической основы исследования используется концепция баланса сил, являющаяся краеугольной для парадигмы политического реализма в теории международных отношений. Для анализа конкретных международных ситуаций и расстановки сил в регионе авторы обращаются к индексам совокупной силы государств. Классическими и наиболее известными индексами являются Сводный индекс национального потенциала Д. Сингера и Индекс воспринимаемой мощи Р. Кляйна. Для оценки совокупного потенциала государств в данной статье применяется индекс совокупной национальной мощи, созданный тайваньским исследователем Чан Чиньлуном. Подсчёт совокупной мощи государств – членов ШОС по формуле индекса позволяет прийти к ряду выводов. Так, представляется интересной перспектива формирования «треугольника» в Евразии ввиду того, что Китай, Россия и Ин-

дия значительно превосходят по своим материальным возможностям остальные страны региона, при этом их цели и интересы не всегда тождественны.

Ключевые слова: Большая Евразия, Центральная Азия, Шанхайская Организация Сотрудничества, баланс сил, российско-китайское сотрудничество.

Для цитирования: Козинец А. И., Дмитриева М. О. Меняющийся баланс сил в Евразии и перспективы российско-китайского сотрудничества // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 3. С. 73–88. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/73-88>

POLITICS

Original article

THE CHANGING BALANCE OF POWER IN EURASIA AND PROSPECTS FOR RUSSIAN-CHINESE COOPERATION

Andrei I. Kozinets¹, Marina O. Dmitrieva²

^{1,2}Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

¹kozinetc.ai@dvfu.ru

²dmitrieva.mo@dvfu.ru

The article is devoted to the key aspects of cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China in Eurasia in the context of the changing balance of power in the region. Greater Eurasia is viewed as a new concept of interaction and collaboration between the states of the continent, which emphasizes equal cooperation and inclusiveness. Central Asia is the geopolitical core of Eurasia, a cross-border region capable of ensuring the connectivity of the entire continental space in the prominent future. At the same time, the Shanghai Cooperation Organization is currently the main international institution of both Central Asia in particular and Eurasia in general. The theoretical basis of the research relies on the concept of the balance of power, which is the cornerstone for the paradigm of political realism in the International Relations Theory. The authors refer to different indices of the aggregate strength of states for the purposes of calculation of regional balance of power. The classic and most known indices are the Composite Index of National Potential by D. Singer and the Index of Perceived Power by R. Klein. In order to assess the aggregate potential of states, this article uses the index of aggregate national power created by the Taiwanese researcher Chang Chin-Lung. The calculation of total power of the SCO member states using the index formula has led to a number of conclusions. Therefore, the prospect of forming a 'triangle' in Eurasia seems

to be interesting due to the fact that in terms of their material capabilities China, Russia and India are significantly superior to other countries in the region, while their goals and interests are not always identical.

Keywords: Bigger Eurasia, Central Asia, Shanghai Cooperation Organization, Balance of Power, Russian-Chinese cooperation.

For citation: Kozinets A. I., Dmitrieva M. O. The changing balance of power in Eurasia and prospects for Russian-Chinese cooperation // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 3. P. 73–88. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/73-88>

Введение

Большая Евразия представляет собой концепцию нового типа взаимодействия государств континента. Данное взаимодействие нацелено на всеобъемлющее и равноправное сотрудничество евро-азиатских государств, их экономическое развитие и усиление «голоса» на международной арене. Как отмечает С. Караганов, Большая Евразия является основой геостратегической идентичности России, а также связующим элементом нового мегапроекта континентальных государств и их организаций [1]. Большая Евразия включает в себя страны Северо-Восточной, Юго-Восточной, Южной и, конечно же, Центральной Азии, которая выступает в качестве геополитического и геоэкономического ядра формирующегося евразийского сообщества.

В данной статье подразумевается, что ЦА – это регион, состоящий из пяти постсоветских государств – Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан и Кыргызстан. После распада Советского Союза эти страны вынуждены были столкнуться с рядом вызовов и необходимостью решения сложных задач, таких как: государственное строительство, налаживание партнёрских отношений, конкуренция за ресурсы (например – водные), преодоление имущественного расслоения общества, противодействие экстремизму.

При этом ЦА представляет собой трансграничный регион [2], который при реализации позитивного сценария социально-экономического развития и политической стабильности в центральноазиатских государствах, а также снижении вызовов и угроз в сфере безопасности способен стать системообразующим элементом для обеспечения *связанности* (от англ. *connectivity*) пространства Большого Евразийского партнёрства, в том числе промышленных центров Восточной и Южной Азии с международными рынками сбыта.

В случае реализации негативного сценария ЦА, наоборот, рискует превратиться в своеобразный *инсулятор* [3], разделяющий континент на западную и восточную часть, на север и на юг, а также блокирующий большую часть возможных трансконтинентальных связей.

Всё вышеизложенное убедительно демонстрирует, что для успешной реализации инициативы Большого Евразийского партнёрства необходимо обеспечить выстраивание инклюзивных и равноправных форматов межгосударственного сотрудничества в евразийском «ядре» – Центральноазиатском регионе. Для этого нужно учитывать как интересы участников, так и их объективные возможности к реализации своих интересов.

Концепция баланса сил

Концепция баланса сил занимает одно из ключевых мест в теории международных отношений, будучи особенно популярной у последователей школы политического реализма. Баланс сил представляет собой распределение влияния между отдельными акторами на международной арене, образующими полюса силы, что позволяет характеризовать международную систему как однополярную, биполярную или многополярную, в зависимости от имеющегося соотношения сил ведущих держав. Данная концепция может применяться как к анализу ситуации на глобальном уровне, так и в отношении отдельных регионов.

Классическими работами по балансу сил являются труды М. Каплана [4] и К. Уолтца [5]. Важное место данная концепция занимает и в работах российских исследователей, среди которых можно выделить А. Богатурова [6], Д. Дегтерёва [7, с. 448–509], И. Тимофеева [8].

Для применения концепции баланса сил в анализе конкретных международных ситуаций используются различные формализованные модели баланса сил и индексы силы (мощи) стран. Благодаря этому становится возможным сводить всю совокупность внешнеполитических ресурсов государства к языку цифр, что позволяет претендовать на некоторый уровень объективности получающихся оценок. К наиболее известным индексам такого рода относятся Сводный индекс национального потенциала Д. Сингера [9] и Индекс воспринимаемой мощи Р. Кляйна [10].

Для оценки совокупного потенциала государств в данной работе используется индекс совокупной национальной мощи, выведенный тайваньским исследователем Чан Чиньлуном, который в своём исследовании модернизировал методику Кляйна [11].

Индекс совокупной национальной мощи рассчитывается по следующей формуле:

$$\text{Power} = \frac{\text{Critical Mass} + \text{Economic Strength} + \text{Military Strength}}{3},$$

где *Power* – совокупная мощь государства; *Critical Mass* – критическая масса, определяемая как сумма отношения численности населения страны к общемировой и отношения размеров территории страны к общемировой; *Economic Strength* –

экономическая сила, определяемая как отношение национального ВВП к общемировому; Military Strength – военная сила, определяемая как отношение национальных военных расходов к общемировым. При этом в данном индексе также применяются мультипликаторы (коэффициенты), позволяющие отразить пропорциональность каждой из трёх сфер совокупной национальной мощи. Так, элементы критической массы умножаются на 100, а элементы экономической и военной силы – на 200, что подчеркивает первостепенное значение национальной военной и экономического секторов в структуре внешнеполитических ресурсов.

По представленной формуле будет рассчитан индекс совокупной мощи государств – членов ШОС, так как на сегодняшний день именно в ней представлено большинство евразийских держав, а сама организация является площадкой для согласования интересов и выработки общих подходов в решении международных проблем на обширном пространстве Евразии.

Интересы России и Китая в Центральной Азии

Россия традиционно является важным игроком в ЦА. Со второй половины XIX века Российская Империя была активнейшим образом вовлечена в политические и социально-экономические процессы в регионе. При этом, родоплеменные объединения казахов (Старший, Средний и Младший жуз) вошли под российское покровительство значительно раньше – в 1731-м, 1732-м и 1822-м годах соответственно [12]. В дальнейшем территория ЦА входила в состав Российской Империи и Советского Союза.

После распада Советского Союза ЦА не потеряла свою значимость для России, хоть её влияние и снизилось, а регион стал привлекать большое внимание для ряда внешних игроков, включая США, Турцию, Иран. Тем не менее, Российская Федерация может и сегодня считаться определяющим региональным игроком. Этому способствуют полтора века общей истории, некоторая схожесть политических систем, по-прежнему высокая распространенность русского языка в центральноазиатских странах [13].

Роль России для региона определяется самой протяжённой в мире непрерывной сухопутной границей между РФ и Казахстаном (7 598,8 км), масштабной трудовой и образовательной миграцией, связанностью инфраструктуры с советских времен, включая транспортные развязки и узлы. На протяжении последних 30 лет Россия играет ключевую роль в обеспечении региональной безопасности и противодействии международному терроризму и экстремизму. Так, Российской Федерацией были приложены немалые усилия в стабилизации ситуации в Таджикистане в годы проходившей там гражданской войны – 1992–1997 гг. Позитивная роль России в обеспечении политической стабильности стран региона проявилась и в январе 2022 г., во время массовых протестов, проходивших в Казахстане. Российская

сторона отправила наибольшее число единиц техники и личного состава в рамках миротворческой миссии Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ), запрошенной казахстанскими властями для помощи в урегулировании кризисной ситуации.

Российская Федерация также является лидером по участию в региональных институтах ЦА. Страны региона входят в интеграционные структуры, возглавляемые Москвой, – ЕАЭС и ОДКБ. В Шанхайской организации сотрудничества Россия также играет важную роль. В настоящее время РФ вместе с другими членами Евразийского Союза предпринимают меры, которые направлены на уменьшение последствий, связанных с негативным воздействием западных санкций в отношении России. Так, в марте 2022 г. было принято Распоряжение Совета ЕЭК от 17.03.2022 № 12 «О реализации мер по повышению устойчивости экономик государств – членов Евразийского Экономического Союза, включая обеспечение макроэкономической стабильности» [14].

Учитывая тот факт, что у России в настоящих условиях становится меньше возможностей для развития экономического развития в регионе, ОДКБ может стать ведущей организацией по продвижению национальных интересов РФ в ЦА.

Говоря о значении ЦА для Китая, нельзя не принимать во внимание, что на нынешнем этапе развития китайской внешней политики на первый план вышла «периферийная дипломатия» (周边外交 – Zhōubiān wàijiāo). Она представляет собой «дипломатию добрососедства» по-китайски: периферия не рассматривается в качестве чего-то отсталого и ненужного, а наоборот, позиционируется в качестве значимого направления внешней политики и дипломатии. Если при четвёртом поколении руководства КНР во главе с Ху Цзиньтао применялась формула «великие державы – это ключ, а периферия – приоритет» [15], то сегодня официальный Пекин делает однозначный упор на своих ближайших соседей.

Опираясь на официальные заявления Председателя КНР, можно выделить как минимум два основных направления «периферийной дипломатии». Во-первых, она способствует достижению краеугольной цели всей политики КПК последних десятилетий – великому возрождению китайской нации. Во-вторых, она способствует продвижению концепции «сообщества единой судьбы» человечества на международной арене [16].

Помимо прочего, интересы Китая в развитии добрососедских отношений со странами ЦА обусловлены нуждами собственного экономического развития. Регион обладает значительными запасами сырьевых ресурсов, в которых нуждается экономика Поднебесной. ЦА в перспективе может стать важным рынком сбыта китайских товаров и услуг, а также важной транспортной артерией, позволяющей осуществлять бесперебойные поставки из Китая в Европу, минимизируя зависимость от морских торговых путей, в значительной мере подконтрольных ВМФ Соединенных Штатов

Америки. Важность региона во внешнеполитической и экономической стратегии КНР была наиболее явно ознаменована тем фактом, что о главном мегапроекте современного Китая – «Экономическом поясе Шёлкового пути» впервые было объявлено Председателем Си в крупнейшей стране региона Казахстане [17].

ШОС как главная институциональная платформа Евразии

ШОС сегодня становится естественным центром притяжения для Большой Евразии на институциональном уровне. За последние годы ШОС эволюционировала из региональной структуры в площадку для обсуждения проблем глобального уровня. После вхождения в 2017 г. Индии и Пакистана в ШОС в качестве полноправных членов Организация стала крупнейшим в мире объединением по общей площади и численности населения. На экономики стран ШОС приходится около четверти мирового валового продукта.

Сегодня первоочередной задачей для ШОС становится обеспечение новых направлений регионального сотрудничества и развития в условиях растущей глобальной неопределённости и роста числа международных рисков. Однако благодаря увеличению числа государств-членов совокупная мощь ШОС в мире может возрасти, что, в свою очередь, позволит выходить на уровень решений более амбициозных целей [18]. К последним может относиться и продвижение Большого Евразийского партнёрства.

В 2022 г. председателем организации был Узбекистан, который проводит прагматичную политику по налаживанию связей и транспортных коридоров Центральной и Южной Азии, нормализации отношений между соседями региона. К саммиту ШОС, прошедшему в Самарканде 15–16 сентября, было приковано внимание мировой общественности по ряду причин: это был первый очный формат проведения мероприятия после начала пандемии; было интересно, насколько страны «не-запада» сплочены и способны решать актуальные проблемы. Если обратиться к выступлениям глав государств Центральной Азии на встречах в рамках саммита, можно заметить, что они поднимали одни и те же вопросы с большим или меньшим акцентом на отдельные моменты. К ним относятся: обеспечение безопасности в зоне действия и по периметру организации, проблемы терроризма, экстремизма и наркотрафика, урегулирование афганской проблемы, вопросы логистической взаимосвязанности и строительства новых маршрутов, сопряжения интеграционных проектов, активизации экономического и инвестиционного сотрудничества, развития IT сферы и цифровизации, проблема изменения климата, культурное взаимодействие. Все страны-члены согласны, что ШОС необходимо приложить усилия для реализации своего потенциала.

Если взаимодействие Москвы и Пекина в рамках ОДКБ находится ещё только на стадии становления, то сотрудничество в формате ШОС имеет уже

давнюю историю, которая была не всегда безоблачной – разногласия по некоторым вопросам (например, о создании зоны свободной торговли) давали почву для предположений о скором скатывании организации до уровня клуба по интересам. Сейчас, когда Россия и Китай развивают формы взаимодействия в регионе, ШОС представляется возможность стать точкой сопряжения интеграционных проектов РФ и КНР – Евразийского Союза и инициативы Пояса и Пути. Кроме того, страны – члены ШОС демонстрируют единый подход в отношении Талибана¹ и устройства Афганистана. К настоящему времени Китай, Пакистан, Узбекистан, Россия и Туркменистан аккредитовали дипломатов от Талибана без политического признания. По всей видимости, это можно считать шагом в достижении регионального консенсуса с последующим полноценным признанием нынешних афганских властей.

Говоря о политике Китая в ШОС, можно отметить некоторый отход от активного участия в ней. Пекин в последние годы уделял больше внимания своему флагманскому проекту – инициативе Пояса и Пути. В отношении стран ЦА стоит отметить, что они занимают значимую роль в осуществлении многих проектов инициативы. Однако власти КНР остались верными своей тактике, придавая большее значение двустороннему взаимодействию в противовес многостороннему сотрудничеству. Несмотря на ожидания стан региона, Китай не стал вкладываться в социальные проекты, реализуя только те, которые были интересны ему самому. В своей речи на заседании Совета глав государств – членов ШОС Си Цзиньпин обратил внимание на то, что «Важно не допустить попыток внешних сил провоцировать «цветные революции», совместно противодействовать вмешательству во внутренние дела других стран под каким бы то ни было предлогом, держать судьбу страны в своих руках» [19].

Россия видит широкие возможности для развития политического, экономического и гуманитарного развития в рамках ШОС. Позитивно оценивается наращивание роли ШОС в поддержании мира и стабильности на пространстве всей Евразии. В своём выступлении на заседании Совета глав государств – членов ШОС Президент В. Путин отметил внеблоковый статус Организации, её открытость к взаимодействию с любыми странами, выступил за скорейшее завершение вступления Ирана в состав полноформатных членов ШОС, начало приёма в состав членов организации Республики Беларусь, а также поприветствовал получение статуса партнёра по диалогу ШОС Египтом, Катаром, Саудовской Аравией [20].

¹ Организация, запрещённая в РФ.

Выводы о региональном балансе сил

Помимо оценки субъективных мотиваций, заявлений и действий акторов, для комплексного понимания региональной архитектуры и меняющегося баланса сил резонно рассмотреть объективный потенциал государств. Наличие тех или иных внешнеполитических ресурсов (к которым относятся военный потенциал, экономические, демографические, географические ресурсы, а также элементы «мягкого влияния») в значительной мере определяет возможности государств на международной арене [2]. Соответственно, принятие этих объективных факторов во внимание может быть весьма полезным как для целеполагания в области внешней политики, так и для понимания возможных перспектив динамики международных отношений в том или ином регионе.

Примечательно, что в момент возникновения современной геополитической конфигурации ЦА, когда регион перестал быть внутренним регионом СССР (когда политические, экономические, а также вопросы безопасности обеспечивались из одного центра), расположенные здесь новые независимые государства обладали более высоким уровнем жизни, нежели соседняя Китайская Народная Республика. Так, согласно данным Всемирного Банка, в 1992 г. номинальный ВВП на душу населения¹ в КНР был ниже, чем у Таджикистана, который находился на последнем месте среди центральноазиатских республик по этому показателю. Однако все последние 30 лет экономика Китая росла значительно более высокими темпами, позволив Поднебесной выйти на лидирующие позиции, опережая в том числе и Российскую Федерацию по этому показателю. Изменения в уровнях подушевого ВВП в КНР, РФ и государствах ЦА представлены ниже (рис. 1).

Общеизвестно, что КНР сегодня обладает крупнейшим ВВП, рассчитанным по паритету покупательной способности, и вторым – по номинальному. Сегодня китайская экономика превосходит совокупный размер экономик всего объединения ЕАЭС. Это позволяет рассматривать Китай в качестве главного игрока в ЦА и в Евразии в целом. Тем не менее, в сфере внешнеторговых связей государств ЦА однозначного доминирования Китая не наблюдается. Наоборот, по итогам 2021 г. Российская Федерация являлась главным торговым партнёром для Казахстана, Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана. Сравнение объёмов торговли государств ЦА с РФ и КНР, согласно данным официальных ведомств, представлено ниже (рис. 2).

Однако о соотношении сил в регионе невозможно судить, опираясь только на какой-то один индикатор. Используя индекс совокупной национальной мощи, рассмотрим получившееся соотношение, для удобства представленное в виде табл. 1.

¹ Рассчитанный в текущих долларах США.

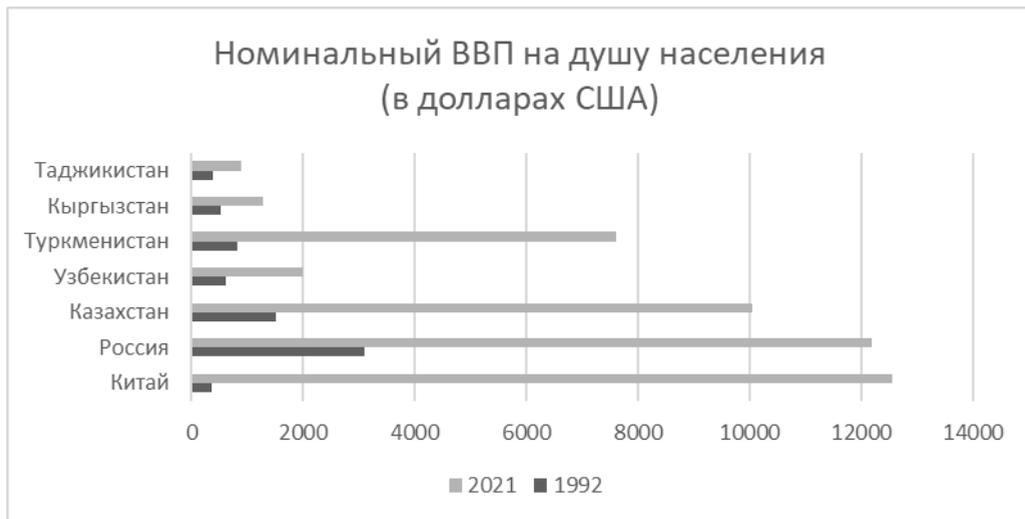

Рис. 1. Номинальный ВВП на душу населения в КНР, РФ и государствах ЦА в 1992 г. и 2021 г.

Источник: Составлено авторами по материалам Группы всемирного банка:
<https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?end=2021&locations=RU-CN-KZ&start=1992>

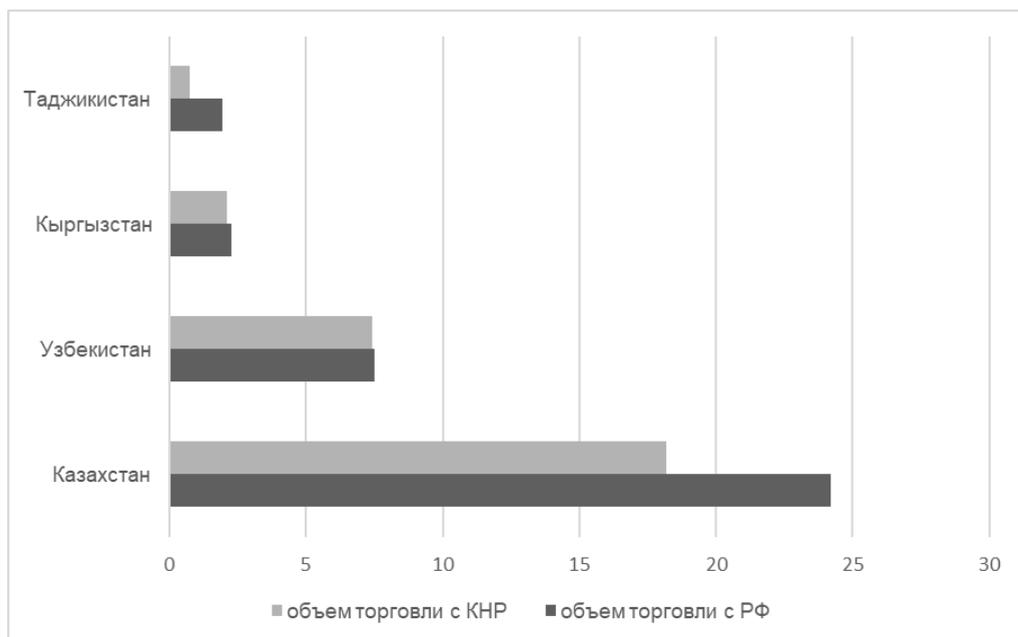

Рис. 2. Объём торговли стран ЦА с РФ и КНР в 2021 г., млрд долл.

Источник: Составлено авторами на основе официальной статистики [21; 22; 23; 24; 25]

Таблица 1

Индекс совокупной национальной мощи стран ШОС

Страна	Значение индекса совокупной национальной мощи
Китай	27,51
Россия	10,76
Индия	10,46
Пакистан	1,69
Казахстан	0,95
Узбекистан	0,30
Кыргызстан	0,08
Таджикистан	0,08

Источник: Составлено авторами по методике Индекса совокупной национальной мощи [11] при использовании данных Группы всемирного банка: <https://data.worldbank.org/> и Global FirePower Index: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php>

Значение индекса позволяет прийти к интересным выводам. Во-первых, речь идёт о более чем двукратном отрыве Китая от стран, ближайших по значению индекса совокупной национальной мощи, – России и Индии. Причём, Китай занимает первое место по всем трём базовым показателям данного индекса, особенно выходясь над остальными в сфере экономической силы (пятикратный отрыв от занимающей второе место по этому показателю Индии). Во-вторых, результаты России и Индии близки. Громадное население позволяет Индии опережать РФ по показателю критической массы, Индия также опережает Россию в сфере экономической силы благодаря большему ВВП. Сильной стороной РФ в этом индексе выступает показатель военной мощи, где она занимает второе место.

Тем самым получается, что, исходя из совокупной национальной мощи государств, мы можем говорить о потенциальном «треугольнике» на пространстве Евразии. Сегодня уже не представляется возможным рассматривать регион ЦА и ШОС как его главную институциональную платформу в виде «дуумвирата» Москвы и Пекина. Расширение членства ШОС убедительно показывает растущий интерес всё большего числа международных акторов к евразийским и центральноазиатским процессам. Новые участники привносят своё видение и будут стараться реализовать свои национальные интересы. С другой стороны, подобные преимущественно материальные показатели также не стоит абсолютизировать, так как очень многое зависит и от политической воли, мотивации и готовности к вовлечённости в решение региональных проблем. В этой связи дополнительного внимания и изучения заслуживает внешнеполитическая и экономическая стратегия Индии в Евразии (и Центральной Азии, в частности) так как её внешнеполитический потенциал не вызывает сомнений.

Заключение

Подводя итоги, можно сделать вывод, что наибольшим ресурсом для реализации своих национальных интересов и подходов к развитию региональной архитектуры обладает Китайская Народная Республика. «Вес» Китая в регионе в значительной мере обусловлен экономической мощью.

По-видимому, для РФ нет особого смысла каким-либо образом пытаться противостоять росту китайского экономического влияния в ЦА из-за обозначенного выше разрыва в материальном потенциале. Правильным и обоснованным является решение о сопряжении стратегии развития ЕАЭС, где ведущую роль играет Россия, с китайской инициативой «Пояса и Пути». Многосторонние и инклюзивные подходы к развитию регионального сотрудничества в полной мере соответствуют интересам и России, и центральноазиатских государств.

Тем не менее, существуют политико-институциональные риски, обусловленные, в первую очередь, высокой восприимчивостью структуры ЕАЭС к внешним шокам. Возможно появление разногласий между участниками процесса евразийской интеграции в том случае, если Пекин будет усиливать упор на двусторонние форматы инвестиционного, торгового, инфраструктурного сотрудничества со странами ЦА, а особенно – если региональные государства окажутся в ситуации прямой конкуренции друг с другом за китайские финансы. Этот сценарий может иметь существенные негативные последствия как для общей атмосферы доверия в регионе, так и для интересов Российской Федерации в данном направлении.

В настоящее время Россия стремится продвигать интеграционные проекты для поддержания своей роли в ЦА, в то время как Китай, не пренебрегая ими, старается действовать в двустороннем формате. При этом республики региона продолжают проводить многостороннюю внешнюю политику, диверсифицируя связи с внешним миром. В условиях, когда мир поляризуется, сохранять такое поведение становится всё более проблематично. Показателен пример Казахстана, официальные лица которого были вынуждены несколько раз прояснять позицию страны по вопросу поддержки действий России на Украине. Во многом это обусловлено тем, что санкции, которые введены против России, автоматически бьют и по Казахстану.

Если страны ЦА и не выразили поддержку действиям России на Украине, они и не поддержали санкции, которые были введены против неё. Так, в ходе голосования в Генеральной Ассамблее ООН за проект резолюции, предлагавшей исключить РФ из Совета по правам человека ООН, страны ЦА проголосовали против. Очевидно, что республики региона будут придерживаться нейтральной и многовекторной позиции так долго, как это будет возможно. Внерегиональные акторы, почувствовав возможность нарастить свое влияние и ослабить влияние России и Китая, будут стараться активно действовать в Центральной Азии. Ряд визитов официальных лиц Соединенных Штатов, Европейского Союза, Японии в конце лета – начале осени

2022 г. наглядно демонстрируют этот тезис. Очевидно, что Москва и Пекин выступают общим блоком для минимизации этого влияния.

Список источников

1. Караганов С. От поворота на Восток к Большой Евразии // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ot-povorota-na-vostok-k-bolshoj-evrazii/>.
2. Волынчук А. Б. Трансграничный регион: теоретические основы геополитического исследования // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 4(8). С. 49–55.
3. Buzan B., Weaver O. Regions and Powers. The Structure of International Security. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. P. 63–65.
4. Kaplan M. Balance of power, bipolarity and other models of international systems // The American Political Science Review. 1957. Vol. 51 (03). P. 684–695.
5. Waltz K. International Structure, National Force, and the Balance of World Power // Journal of International Affairs. 1967. Vol. 21 (02). P. 215–231.
6. Богатуров А. Д. Плюралистическая однополярность и интересы России // Свободная мысль. 1996. № 2. С. 24–36.
7. Дегтерёв Д. А. Количественные методы в прикладном анализе международных отношений : дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.04. М., 2019. 644 с.
8. Тимофеев И. Н. Баланс сил, взаимозависимость и идентичность: конкуренция эмпирических моделей решения дилеммы безопасности // Вестник МГИМО–Университета. 2008. № 3. С. 48–59.
9. Singer D. Reconstructing the Correlates of War Dataset on Material Capabilities of States, 1816–1985 // International Interactions. 1987. Vol. 14 (02). P. 115–132.
10. Cline R. The Power on Nations in the 1990s: A Strategic Assessment. Lanham: University Press of America, 1994. 152 p.
11. Chang C. A. Measure of National Power // Analytické Centrum. URL: <https://www.analytickecentrum.cz/upload/soubor/original/measure-power.pdf>.
12. Письмо Западно-Сибирского генерал-губернатора управляющему МИД К. Нессельроде по вопросу о присоединении Старшего жуза к России // Восточная Литература. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XVIII/1760-1780/Kazach_rus_17_18/101-120/115.htm.
13. Лукин В. А. Возвышающийся Китай и будущее России. Работы о Китае и российско-китайских отношениях. М. : Международные отношения, 2018. 792 с.
14. Евразийская экономическая комиссия. Распоряжение Совета ЕЭК №12 «О реализации мер по повышению устойчивости экономик государств – членов Евразийского экономического союза, включая обеспечение макроэкономической стабильности». URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01431501/err_18032022_12.
15. Песцов С. К. Регионализм и новая периферийная политика Китая // Мировая политика. 2017. № 3. С. 103–118.

16. 五年来, 习近平这样谈周边外交 // Xinhua. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/xxjxs/2018-10/25/c_1123609951.htm. В течение пяти лет Си Цзиньпин подобным образом говорил о Центральной Азии.

17. Выступление Председателя КНР Си Цзиньпина в Назарбаев университете (полный текст). Посольство Китайской Народной Республики в Республике Казахстан. URL: http://kz.china-embassy.gov.cn/rus/zhgx/201309/t20130916_1045309.htm.

18. Кулинцев Ю. ШОС во внешнеполитической стратегии России // Российский совет по международным делам. 2 октября 2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/shos-vo-vneshnepoliticheskoy-strategii-rossii/>.

19. Полный текст выступления председателя КНР Си Цзиньпина на 22-м заседании Совета глав государств – членов ШОС // Синьхуа Новости. URL: <https://russian.news.cn/20220916/2cd9a2c37d0345e5b84c004ff6d70cf3/c.html>.

20. Выступление Президента России на заседании Совета глав государств – членов ШОС в расширенном составе // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69361>.

21. Внешнеэкономическая деятельность // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <http://www.stat.kg/ru/statistics/vneshneekonomsicheskaya-deyatelnost/>.

22. О внешней торговле в 2021 году // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/26_23-02-2022.html.

23. Товарооборот Казахстана за 2021 год составил \$105,5 млрд // Единая платформа интернет-ресурсов госорганов Казахстана. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mti/press/news/details/326171?lang=ru>.

24. Торговые партнёры Республики Таджикистан // Портал Министерства экономического развития и торговли Республики Таджикистан. URL: <https://tajtrade.tj/menu/28?l=ru>.

25. O'zbekiston Respublikasi tashqi savdo aylanmasi (2021- yil yanvar-dekabr) // O'zbekiston Respublikasi Davlat Statistika Qo'mitasi URL: <https://stat.uz/uz/matbuot-markazi/qo-mita-yangiliklar/17059-o-zbekiston-respublikasi-tashqi-savdo-aylanmasi-2021-yil-yanvar-dekabr>. Внешнеторговый оборот Республики Узбекистан (январь-декабрь 2021г.). Государственный Комитет Республики Узбекистан по статистике.

26. Мальгин А. Внешнеполитические ресурсы России и пределы их реализации // Pro et Contra. 2001. № 4. С. 94–117.

References

1. Karaganov S. From the turn to the East to Greater Eurasia. *Rossiya v global'noi politike*. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/ot-povorota-na-vostok-k-bolshoj-evrazii/>. (In Russ.).

2. Volynchuk A. B. Cross-border region: theoretical foundations of geopolitical research. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 2009, no. 4 (8), pp. 49–55. (In Russ.).
3. Buzan B., Weaver O. *Regions and Powers. The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. pp. 63–65. (In Engl.).
4. Kaplan M. Balance of power, bipolarity and other models of international systems. *The American Political Science Review*. 1957. Vol. 51 (03), pp. 684–695. (In Engl.).
5. Waltz K. International Structure, National Force, and the Balance of World Power. *Journal of International Affairs*, 1967, vol. 21(02), pp. 215–231. (In Engl.).
6. Bogaturov A. D. Pluralistic unipolarity and interests of Russia. *Svobodnaya mysl'*, 1996, no. 2, pp. 24–36. (In Russ.).
7. Degtarev D. A. *Quantitative methods in applied analysis of international relations: Dis. Dr. (Polit. Sci)*. Moscow, 2019. 644 p. (In Russ.).
8. Timofeev I. N. Balance of power, interdependence and identity: competition of empirical models for solving the security dilemma. *Vestnik MGIMO–Universiteta*, 2008, no. 3, pp. 48–59. (In Russ.).
9. Singer D. Reconstructing the Correlates of War Dataset on Material Capabilities of States, 1816–1985 // *International Interactions*. 1987 Vol. 14(02). P. 115–132. (In Engl.).
10. Cline R. *The Power on Nations in the 1990s: A Strategic Assessment*. Lanham: University Press of America, 1994. 152 p. (In Engl.).
11. Chang C. A. Measure of National Power. *Analytické Centrum*. Available at: <https://www.analytickecentrum.cz/upload/soubor/original/measure-power.pdf>. (In Engl.).
12. Letter from the West Siberian Governor-General to the Foreign Ministry Manager K. Nesselrode on the question of joining the Senior Zhuz to Russia. *Vostochnaya Literatura*. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Documenty/M.Asien/XVIII/1760-1780/Kazach_rus_17_18/101-120/115.htm. (In Russ.).
13. Lukin V. A. *Towering China and the future of Russia. Works about China and Russian-Chinese relations*. Moscow: International relations, 2018. 792 p. (In Russ.).
14. Eurasian Economic Commission. Decree of the EEC Council No. 12 «On the implementation of measures to increase the stability of the economies of the Member States of the Eurasian Economic Union, including ensuring macroeconomic stability». Available at: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01431501/err_18032022_12. (In Russian).
15. Pestsov S. K. Regionalism and the new peripheral policy of China. *Mirovaya politika*, 2017, no. 3, pp. 103–118. (In Russ.).
16. For five years, Xi Jinping spoke about Central Asia in this way. *Xinhua*. Available at: http://www.xinhuanet.com/politics/xxjxs/2018-10/25/c_1123609951.htm. (In Chinese).
17. Speech by Chinese President Xi Jinping at Nazarbayev University (full text). Embassy of the People's Republic of China in the Republic of Kazakhstan. Available at: http://kz.china-embassy.gov.cn/rus/zhgx/201309/t20130916_1045309.htm. (In Russ.).

18. Kulintsev Y. SCO in Russia's foreign policy strategy. *Russian Council for International Affairs*, October 2, 2020. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/shos-vo-vneshnepoliticheskoy-strategii-rossii/>. (In Russ.).

19. Full text of Chinese President Xi Jinping's speech at the 22nd meeting of the SCO Council of Heads of State. *Xinhua News*. Available at: <https://russian.news.cn/20220916/2cd9a2c37d0345e5b84c004ff6d70cf3/c.html>. (In Russ.).

20. Speech by the President of Russia at a meeting of the Council of Heads of State – Members of the SCO in an expanded format. *Official website of the President of Russia*. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/69361>. (In Russ.).

21. Foreign economic activity. *National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic*. Available at: <http://www.stat.kg/ru/statistics/vneshneekonomicheskaya-deyatelnost/> (In Russ.).

22. On foreign trade in 2021. *Federal State Statistics Service*. Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/26_23-02-2022.html. (In Russ.).

23. The trade turnover of Kazakhstan for 2021 amounted to \$105.5 billion. *Unified platform of Internet resources of state bodies of Kazakhstan*. Available at: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mti/press/news/details/326171?lang=ru>. (In Russ.).

24. Trade partners of the Republic of Tajikistan. *Portal of the Ministry of Economic Development and Trade of the Republic of Tajikistan*. Available at: <https://tajtrade.tj/menu/28?l=ru>. (In Russ.).

25. Foreign trade turnover of the Republic of Uzbekistan (January-December 2021). Available at: <https://stat.uz/uz/matbuot-markazi/qo-mita-yangiliklar/17059-o-zbekiston-respublikasi-tashqi-savdo-aylanmasi-2021-yil-yanvar-dekabr>. (In Uzbek).

26. Malgin A. Foreign policy resources of Russia and the limits of their implementation. *Pro et Contra*, 2001, no. 4, pp. 94–117. (In Russ.).

Сведения об авторах

А. И. Козинец – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

М. О. Дмитриева – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Information about the authors

A. I. Kozinets – Candidate of Political Sciences, Associate Professor at the Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

M. O. Dmitrieva – Candidate of Political Sciences, Senior Lecturer at the Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.